

**Рене Франсуа Арман
Сюлли-Прюдом
Избранные стихотворения**

**Стансы и поэмы
(1865)**

**Читателю
(П. Н. Петровский)**

Когда тебя волную я своим стихом, —
К нему я холоден остывшею душою:
Мой наилучший стих живет во мне
самом

И никогда прочтен не будет он тобою!

Как бабочки, белея в сумраке аллея,
Трепещут и кружат над нежными
цветами,
Так песни вокруг моих излюбленных идей
Толпятся и дрожат крылатыми стихами;

Но только лишь коснусь я их
неосторожно, —
Они умчатся прочь, вспорхнув, как

мотыльки,
Пыльца с их крыльев осыплется
 тревожно,
Как с вянущих цветов сухие лепестки.

От песен отделить себя я не умею,
Их нежной красоты невольнo не стерев.
И, чтоб их не убить, я высказать не смею
С душою слившийся таинственный
 напев.

Душа моя полна неведомых стихов,
Исполненных идей, гармонии и ласки;
Но ты, читатель мой, не видишь
 мотыльков,
А видишь только след тончайшей их
 окраски.

Стансы жизнь души

Цепи

(П. Н. Петровский)

Я целый мир люблю, но тесно в нем, как
 в склепе,

И чуткою душой я в рабстве у него:
Мучительных вериг бесчисленные цепи
В мир видимый идут из сердца моего.

И все меня влечет, и всем я очарован:
Сияньем истины, непостижной тьмой;
Я к солнцу цепью золотых лучей
прикован,
А звезды связаны, как нитями, с душой.

Размером к песне я прикован
мелодичной,
А к розам бархатным влечет их красота;
Свой взгляд я приковал к улыбке
поэтичной,
Из поцелуя ж цепь сковал я на уста.

Вся жизнь моя висит на этих хрупких
звеньях,
И я лишь пленник тех, к кому
стремлюсь, любя,
И под влияньем их малейшего волненья
Теряю часть я самого себя.

Разбитая ваза (П. Я.)

Та ваза с гибнущей вербеной
Задета веером была.
Удар бесшумный и мгновенный
Чуть тронул зеркало стекла.

Но рана, легкая сначала,
Что день, таинственно росла:
Хрусталь точила, разъедала
И мирным кругом обошла.

Бедя не вовремя открыта:
Цветок безмолвно умирал,
По капле кровью истекал... —
Не тронь её: она разбита!

Так часто милая рука
Нам сердце любящее ранит, —
И рана тонко-глубока,
И, как цветок тот, сердце вянет.

Но долго гибельный огонь
От равнодушных взоров прячет, —
Болит и тихо-тихо плачет...
Оно разбито ведь — не тронь!

Разбитая ваза (С. А. Андреевский)

К той вазе, где вянет вербена,
Дотронулся веер слегка,
Не дрогнули листья цветка
И тих был удар, как измена.

Но трещины тонкой пила,
Упорно хрусталь разъедая,
Всю вазу от края до края
Без шума кругом обошла.

Сквозь щель, неприметную глазу,
Вода истощилась до дна,
Вербена суха и грустна,
Взгляните на стройную вазу:
Не троньте — разбита она!

Так часто рука дорогая
Слегка наше сердце язвит,
Но вянет любовь молодая
И язва на сердце горит;

Снаружи для всех невредимо,
Оно сознает в тишине,
Как плачет в его глубин,

Растет его рана незримо...
В нем пусто, уныло, темно:
Не троньте — разбито оно!

Разбитая ваза (А. Н. Апухтин)

Ту вазу, где цветок ты сберегала
 нежный,
Ударом веера толкнула ты небрежно,
И трещина, едва заметная, на ней
Осталась... Но с тех пор прошло
 немного дней,

Небрежность детская твоя давно забыта.
А вазе уж грозит нежданная беда!
Увял её цветок, ушла её вода...
Не тронь её: она разбита.

Так сердца моего коснулась ты рукой,
Рукою нежной и любимой,
И с той поры на нем, как от обиды злой,
Остался след неизгладимый.

Оно, как прежде, бьется и живет,
От всех его страданье скрыто,

Но рана глубока и каждый день растет...
Не тронь его — оно разбито.

Роса **(К. Д. Бальмонт)**

Сижу в мечтах, и вижу, как уныло
Блестит роса на зелени лугов:
Рука холодной ночи положила
Ее на лепестки цветов.

Откуда капли светлые упали?
Там — без дождя свершают тучки путь.
Ах, прежде чем на лепестках блеснуть,
Они уж в воздухе дрожали!

Откуда слезы на моих глазах?
На ясном небе нет следа печали.
Ах, прежде чем заискриться в очах,
Они уж в сердце накопили!

Всегда, в сердечной притаясь тени,
Трепещут слезы, дремлют, накаплиют,
И даже счастья радостные дни
Порой блеснуть их заставляют!

К ласточке (О. Н. Чумина)

Ты, которая к небу свободно
Направляешь отважный полет
И не падаешь в муке бесплодной
С недоступно-суровых высот;

Ты, которая жажду из тучи
На пути утоляешь порой,
Проносясь через горные кручи,
Через море и реки стрелой;

Ты, ненастной порою осенней
Покидавшая нас для того,
Чтоб вернуться с расцветом сиреней;
Ты, которой дороже всего

Лишь родное гнездо и свобода, —
Как с тобою схожусь я во всем!
И во мне пробудила природа
Все, что в сердце ты носишь своим.

Я, как ты, поднимаюсь высоко
На крылах лучезарных мечты
И стремлюсь я туда одиноко,
Где паришь одиноко и ты.

Я ничьей не завидую доле,
Разделяя порывы твои,
Я хочу лишь простора и воли,
И любви, бесконечной любви!

Здесь на земле (К. Д. Бальмонт)

Здесь на земле цветок лишь миг блистает
И пенье птиц так умолкает скоро, —
В моих мечтах — весна не отцветает
И вечны светлых песен хоры.

Здесь на земле, где все так пусто, тленно,
Проходит страсть, сердца на миг
 волнуя, —
В моих мечтах — царит любовь
 бессменно
И звук отраднй поцелуя.

Здесь на земле, в томительной пустыне,
Над дружбой, над любовью плачут
 страстно, —
В моих мечтах — они, как две богини,
Всегда смеются тихо, ясно.

Два голоса **(Н. Энгельгардт)**

Два голоса попеременно
В душе взволнованной встают все вновь
и вновь:

Ум богохульствует надменно,
И Бога проповедует любовь.

— У мира нет отца, нет вечного
владыки!

Смотри: повсюду зло царит! —
Так разум сердцу говорит.

Оно в ответ: «Мы верой лишь велики,

В Творце надежду положи,
Люби и верь, — одна дорога!
Бессмертно я, — и осязаю Бога!»
Но разум говорит спокойно: Докажи.

Очи **(А. Н. Плещеев)**

Им нет числа — очам, что любовались
В рассветный час алеющей зарей;

Но спят они в своих могилах темных,
А солнце все восходит над землей.

Как часто ночь, горевшая звездами,
Пленяла их, торжественна, светла!
Миллиарды звезд над миром все сияют,
А очи те окутывает мгла.

Нет! Не могли они утратить взора,
И не могло потухнуть пламя в нем!
Не верю я, он обращен куда-то,
К тому, что мы невидимым зовем.

Как в небесах светила остаются,
Хоть их порой людской не видит взгляд,
Так и они: пусть их взяла могила,
Но то закат — не смерть, а лишь закат!

Они глядят, те очи, что закрыли
С рыданьем мы дрожащею рукой,
И где-то там, за гробовым пределом,
Теперь рассвет сияет им иной.

**«Как много карих...»
(К. Р)**

Как много карих, голубых,
Любимых глаз зорю встречало!
В могилах спят они теперь,
А солнце всходит, как бывало.

Ночь краше дня; как много глаз
Ее пленялись красотой!
На небе звезды все горят,
А те глаза оделись тьмою.

Ужель угас их взгляд? Нет, нет,
Не может быть! Они взирают
Куда-то вдаль и то, что мы
Зовем незримым, созерцают.

Светила меркнут, заходя,
Но все ж на небе остаются:
Так и у глаз есть свой закат,
Но смерть не может их коснуться.

Как много карих, голубых
Закрылось глаз, любимых нами!
За гробом вечная заря
Им светит дивными лучами.

Идеал **(И. Анненский)**

Прозрачна высь. Своим доспехом
 медным
Средь ярких звезд и ласковых планет
Горит луна. А здесь, на поле бледном,
Я полон грез о той, которой нет.

Я полон грез о той, чья за туманом
Незрима нам алмазная слеза,
Но чьим лучом, земле обетованным,
Иных людей насытятся глаза.

Когда, бледней и чище звезд эфира,
Она взойдет среди чуждых ей светил,
Пусть кто-нибудь из вас, последних
 мира,
Расскажет ей, что я ее любил.

Идеал **(О. Н. Чумина)**

Красою звездною сияют неба своды,
Но лишь к звезде одной летит моя мечта,

Бесшумны огня колыханья.

Никто и не знал, что малютка
Неслышно меж тем умирала.
Склонясь к изголовью постели,
Усталая мать задремала.

Но крадутся ножки босые...
Дверь, скрипнув слегка, отворилась:
Пришли ее братья проведать.
А смерть над больной наклонилась.

«Уснула сестрица», — сказали, —
Какие холодные руки!
Глаза неподвижны; живые
В устах ее замерли звуки.

«Как страшно, как пусто в алькове!
Какое молчанье в кроватке!
Не дрогнет на ней одеяло,
Его не шевелятся складки...

«И мама сидит неподвижно;
Уснула — и что теперь будет!
Что делать нам? Лучше оставим,
А Боженька сам их разбудит»...

В кроватки свои возвратились,